

Секция 1 **Көркемдіктің қазіргі парадигмалары**
Современные парадигмы художественности

УДК 398

С.Ж.Бралина, М.С.Девянина

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Имя как феномен традиционной культуры

В статье рассмотрены имена собственные и связанные с ними ритуалы имянаречения. Актуальность данной проблемы заключается в том, что изучение имен позволяет не только глубже проникнуть в языковую систему, но и ближе ознакомиться с мифологией, бытом, мировоззрением и системой жизненных ценностей народа. В этой связи особую значимость приобретает культурно-историческая основа имен собственных, которая восходит у многих народов к древним обрядам имянаречения, носящим магический характер. В культурах разных народов имя было наделено сакральностью. Оно являлось ценным оберегом, поэтому с именем связывали жизнь человека, его судьбу и характер.

Ключевые слова: имя собственное, обряд имянаречения, анимистическое мышление, традиции имянаречения славян, русских, казахов; магические функции имен, имена-обереги, табуирование имен, сакральные имена, обряды окликания, переименования, сокрытие имен.

Имя и связанные с ним ритуалы имянаречения являются неотъемлемой частью культуры многих народов. Уже на ранних ступенях развития человечества имени приписывалась магическая сила и сакральность. Оно определяло судьбу человека, его дальнейший жизненный путь, положение в обществе.

Имена людей несут в себе значимую часть культуры и традиции всего народа. В России с приходом христианства славянские имена почти полностью ушли в небытие. Существовали списки славянских имен, запрещенных церковью. Одна часть имен (Лада, Ярило) была именами славянских богов, обладателями второй части были люди, которые и после христианизации Руси пытались восстановить культ и традиции язычества (волхвы, богатыри).

До принятия христианства у славян имена выбирались родителями. Они имели определенное смысловое значение: *Светлана, Людмила, Красава, Любава, Милонег, Добронрава, Забава, Милуша, Всеволод, Владимир, Добромысл, Добрыня, Ярослав, Мстислав, Святослав, Ярополк, Святополк и т.д.*

Называли детей и по времени и обстоятельствам появления их на свет. В старинных рукописях можно встретить имена: *Зима, Дорога, Полетко, Суббота, Мороз, Подосен;* называли по профессиям людей: *Кожемяка, Быкодер;* по именам разных животных, птиц, рыб: *Заяц, Лягушка, Сом, Гусь, Соловей, Баран, Кот;* по народностям, жившим возле места рождения: *Татарин, Мордвин.*

Кроме выбора, существовал обычай выходить за ворота и спрашивать имя первого встречного или встречной. Какое имя называлось, такое и давали новорожденному. Считалось, что это принесет ребенку счастье.

Для полного исчезновения этих имен понадобилось почти шесть столетий, и дольше всего сопротивлялась введению нового имянаречения северо-западная часть Руси, которая еще ряд столетий после принятия христианства оставалась языческой.

Древние истоки ритуала имянаречения восходят к анимистическим представлениям людей, согласно которым имя воплощает в себе рождение новой души. До тех пор, пока у ребенка не было имени, он находился как бы на грани двух миров: земного мира и мира «иного», поэтому до крещения его называли просто «новым человеком», или «куколкой».

Например, у восточнославянских народов мать и отец новорожденного не присутствовали на крестинах. Они не должны были смотреть, как крестные родители уносят ребенка в церковь. В связи с этим В.И.Еремина приводит такой пример: «У прибалтийских народов, латышей в частности, был известен обычай, согласно которому мать не должна смотреть, как носильщица уносит ее ребенка в церковь, и после ухода участников церемонии она должна лечь спать. По возвращении из церкви крестные просили отгадать имя ребенка или объявляли у входа в комнату: «Куколку увезли, Аннушку привезли!» [1; 210].

Согласно общеславянским представлениям, если дети умирали до крещения, то они превращались в демонов, поэтому их не отпевали, не оплакивали, погребали голыми, не хоронили на кладбище, не поминали. Считалось, что души этих детей не успокаиваются и скитаются по свету, пока их не нарекут. Поэтому в Полесье некрещеным «мальчикам обычно давали имя Иван, а девочкам — Мария, в России мальчиков часто называли Богданами, т.е. данными от Бога. <...> По полесскому обычаю, услышав их плач, надо назвать мужское и женское имя: Адам и Ева, Иван и Мария» [2; 65].

В традиционной культуре многих народов антропонимам приписывались магические функции. Так, общераспространенной была вера, что имя может оказать на человека благоприятное воздействие или навредить ему.

С этой целью в русской традиции ребенку очень часто давали имя какого-либо христианского святого, которому посвящен ближайший ко дню рождения ребенка праздник. Считалось, что это имя будет способствовать росту новорожденного и наоборот, если дать имя святого по календарю «назад», то ребенок не будет расти [3; 601].

Об этом писал в свое время ученый-богослов П.А.Флоренский: «Имена распределяются в народном сознании на группы. Если священник даст крещаемому имя преподобного — это обещает ему счастливую жизнь, а если имя мученика — жизнь сойдет на одно сплошное мучение» [4].

Традиция наречения ребенка благозвучным именем, приносящем счастливую судьбу, была широко распространена у многих народов. Так, например, в арабской культуре популярными были «говорящие» имена, изначально наделяющие ребенка тем или иным качеством. Например: *Джамиля* (красивая), *Карим* (щедрый), *Амин* (честный) и т.д.

Согласно другим представлениям, имя человека обладало способностью останавливать смерть детей в семье. В этой связи в славянской традиции было широко распространено наречение именами родителей или деда и бабушки.

Но данный обычай противоречил запрету повторения имени в одной и той же семье и роде, поскольку бытовало поверье, что, если один из тезок умрет, смерть ожидала и другого. Поэтому имена родителей давались только в особых случаях, таких как частая смертность детей в одной семье.

Иногда детей в семье специально называли одинаковыми именами, также в магических целях. Например, если у женщины рождаются одни девочки, она должна дать последней свое имя, чтобы следующим родился мальчик.

Подобный принцип «ономастической магии» был распространен не только у славянских народов, но и у казахов. По этому поводу Ч.Ч.Валиханов в свое время писал: «Ырым <...> называются <...> обряды, исполняемые в виде предзнаменования. Например, те, у кого нет сыновей, а рождаются девочки, дают последней из своих дочерей имя *Ұлтуған* «сын родился», чтобы оно было предзнаменованием для рождения сына» [5].

Действительно, труды Т.Джанузакова — одного из авторитетных исследователей казахской ономастики, подтверждают, что казахи в прошлом верили в то, что удачный выбор имени ребенка может защитить его в жизни от различных бедствий, от преждевременной смерти. Поэтому стали появляться так называемые «защитные» или «охранительные» имена: *Мыңжасар* — тысячелетний, *Өмірзақ* — долгожитель и др.

В этой связи в казахской антропонимике широко распространен ряд имен, обозначающих пожелания ребенку долгой жизни, счастья и т.д.: *Ораз* — счастье, *Жылқыбай* — богатый лошадьми; имена описательные, включающие физические особенности ребенка: *Сарыбас* — рыжеголовый, *Қарақөз* — черноглазая и т.д.; день и место рождения: *Дүйсенбі* — понедельник, *Еділ* — родившийся на берегу Волги; выражающие чувства родителей, например, *Қуаныш* — радость [6].

Современные исследования подтверждают устойчивость названных представлений среди казахов и в наши дни. Так, А.М.Танабаева, Ф.Ш.Оразғалиева отмечают: «По традиции в тех семьях, в которых часто умирали дети, новорожденных сыновей называли: *Тұрар*, *Тұрсын*, *Тоқтасын* (пусть останется, будет жить), *Өтеміс*, *Төлеген* (возмещенный, возвращенный, восстановленный). Если

рождались одни девочки, чтобы следующий ребенок был мальчиком, давали имена: *Ұлтуар, Ұлтусын, Ұлболсын, Ұлжан, Ұлмекен* (да будет сын, родится сын, а не мальчик ли?)» [7].

Существовали и другие способы предотвращения смерти и болезней новорожденного. Так, если в семье умирали дети, то последующего ребенка называли именем птицы или дикого животного, например: *Сокол, Волк, Медведь, Заяц* и т.д. Полагали, что таким образом они обманут злых духов, ребенок не умрет, и род сохранится. Видимо, от этих имен потом произошли многие фамилии: *Соколов, Волков, Медведев, Зайцев* и т.д.

Кроме этого считалось, что святой, по имени которого назван ребенок, будет хранить его всю жизнь или младенца называли каким-нибудь редким именем. Сербы Косова ребенка, родившегося в семье, где умирали дети, называли именем самого старого человека во всей округе, чтобы жизнь его была такой же долгой.

Южные славяне широко использовали так называемые «останавливающие» имена, например, *Стана, Стоян* и др.; с этой же целью полешуки нарекали младенца именем *Адам* или *Ева*. Чтобы до поры обмануть болезнь, приставшую к ребенку, надо временно назвать мальчика именем девочки, и наоборот.

Имя считалось одним из распространенных оберегов, поэтому у многих народов принято было скрывать имя, данное ребенку при рождении. В этой связи В.И.Еремина, исследуя традиции восточнославянских народов, отмечает: «... официальное имя скрывалось, утаивалось, а объявлялось совсем другое имя. <...> Если ребенок рождался хилым, имя выкрикивали в печную трубу: кричали разные имена, а называли тем, при котором ребенок переставал плакать» [1; 72].

«У болгар не разрешается называть ребенка по имени до крещения, иначе он вырастет несчастливым. После церковного обряда в течение 40 дней также не упоминают детское имя, чтобы «сохранить сон младенца» и «уберечь его от нечистой силы». Имеются сведения, что крестильное имя скрывается вплоть до венчания. И, наоборот, при лечении заболевшего младенца, читая заговор, трижды громко произносили имя младенца, как бы возвращая ему жизненную силу» [8; 315].

На Руси ребенку давали два имени: одно — «настоящее», а другое «ложное», которое использовалось в повседневной жизни, оберегая его от грозящих ему опасностей. В этой связи особое место в древнерусской культуре занимали так называемые имена-обереги: *Бессон, Болван, Горе, Грязной, Гнилозуб, Кручина, Лихой, Мертвой, Невзор, Негодяй, Некрас, Нелюб, Крив, Угрюм, Упырь* и т.д. Подобные имена больше напоминали оскорбительные прозвища, однако своей неблагозвучностью они были призваны уберечь ребенка от порчи и сглаза.

В казахской традиции долгое время оберегами были не только неблагозвучные имена, но и имена представителей других наций или нарицательные имена: *Көтібар* (Задница), *Итбай* (Собака), *Мыржықбай* (Сморчок), *Шарлес* (Чарлз), *Шанай* (Чапай), *Пишат* (печать), *Моряк, Социал* и др.

Обычай сокрытия истинного имени ребенка был широко распространен у многих народов, особенно в семьях, где часто умирали дети. Данное при крещении имя скрывалось в течение определенного срока — от нескольких дней до многих лет, иногда имя не раскрывалось до самой смерти. «В Западной Сибири, в Ужицком крае были случаи, когда в селе умирал старый человек и никто не знал его настоящего имени, потому что те, кто его знал (кум и родители), давно умерли» [3; 608].

У южных славян был распространен следующий обычай: ребенка клали на дороге, и первый, кто наткнется на него, должен дать ему имя, обычно: *Найден, Найда* и т.п. [9].

Одна из магических функций ритуала имянаречения была связана с верой людей, что с именем передается характер или судьба. Поэтому в русской традиции новорожденных не называли именами, которые носят или носили слабоумные, пьяницы, сумасшедшие, трусы и т.п. Считалось, что нельзя давать новорожденному имя умершего ребенка, но можно было назвать ребенка именем деда или бабушки, если они долго жили и были счастливы. В наше время этот обычай распространяется на более близких людей: отца, мать, дядю, тетю [10].

Между тем, в казахской культуре и сегодня считается непозволительным называть детей именами предков и родителей в силу опасности в будущем «подвести», опозорить священное имя.

В то же время до сих пор широко распространен другой ритуал: нарекая ребенка тем же именем, какое носит ребенок родственника или друга, необходимо спросить у него «разрешения», а затем пригласить в гости и одарить. Конечно, во многом этот ритуал носит сегодня игровой характер, однако игнорирование его может привести новоиспеченного родителя к шутливому публичному осмеянию и подозрению в скупости.

Одним из видов «ономастической магии» являются окликание и переименование. В ряде славянских обрядов произнесению имени, его выкликанию придавалось значение воссоздания первородной сущности и воплощения желаемого.

В русской свадебной обрядности особое место занимал ритуал величания жениха и невесты, т.е. называния их по имени-отчеству, что означало их признание, узнавание, переход в новый социальный статус. Для сравнения — до венчания молодые были безымянными: жених — чуженин, а невеста — (не ведать) — неизвестная.

Кроме этого, получение молодоженами права называться по имени-отчеству закреплялось в особом обряде — «выюнишнике», или «окликании молодых», проводившемся ежегодно в первое воскресенье после Пасхи. Во время этого обряда молодоженам пели песни, в которых их величали.

В свою очередь «у восточных славян, чтобы поскорее забыть покойного мужа, вдова громко выкрикивает его имя в печную трубу», чтобы оно улетело вместе с дымом [9].

Людей, вступивших в брак в глубокой старости (т.е. как бы начавших вторую жизнь) или женившихся в четвертый раз (т.е. превысивших количество браков, допустимых для одной человеческой жизни), обязательно переименовывали.

При болезни человека также прибегали к перемене имени как к средству «перерождения» человека, расторжения его связи с болезнью и обмана демонических сил, насылающих болезнь.

Южные славяне использовали переименование как защитное средство, например, при переезде из одной местности в другую для того, чтобы оставить старую жизнь, в том числе и грехи, вместе с именем в прошлом.

Переименование также могло применяться в инициальных ритуалах. Например, украинские ремесленники-гончары совершали обряд переименования при посвящении в подмастерья молодых работников (по аналогии с переименованием при пострижении в монахи).

Ономастические обряды переименования и окликания широко применялись и в славянской скотоводческой магии. Так, для защиты коров от нечистой силы в купальскую ночь крестьяне их переименовывали: «Выкликаю поименно чужих коров, молочные ведьмы водят по росе цедилкою <...> Для предупреждения такого чаровства нужно переименовывать коровьи клички при утреннем выгоне скота в поле накануне Купалы ... » [1; 118].

Кроме этого широко был распространен обычай, по которому хозяйка поутру в Великий четверг «в дымное окошко «кличет скот» во двор свойственной каждой породе кличкой до тех пор, пока какое-нибудь животное случайно не подаст своего голоса, пока, например, корова не смычит ..., что принимается за верный признак, что в наступающем году не падет ни одно животное той породы» [8; 175].

Для ономастической культуры многих народов до сих пор характерно табуирование имен единственных детей, любимых внуков, близких родственников и т.д. С этой целью активно используются «домашние», сокращенные, ласкательные или «другие» имена, выполняющие охранительные функции.

Существует ряд ономастических табу, связанных с браком и семьей. Генетически эти запреты восходят к родоплеменным отношениям людей. С этой точки зрения молодая невестка, пришедшая в дом мужа, воспринималась как «чужая», потому что пришла из другого рода. Поэтому при именовании невестки или при обращении ее к кому-либо использовались табуированные имена.

Как отмечает М.Фасмер, «табуистическое название должно было защитить женщину, вступающую в чужой для нее дом, дом ее жениха, от злых духов; этим же объясняется и наличие у нее свадебного покрывала» [11].

У казахов долгое время сохранялся обычай, по которому невестка должна была называть родителей мужа и всех домочадцев не их прямыми именами, а придуманными ею, сакральными.

Отсюда сохранившееся у многих народов до настоящего времени табуирование имен супругов: «мой», «он», «хозяйка», «сам», «шал» (старик), «кемпір» (старуха) и т.д. Безусловно, магическая функция подобных имен не воспринимается самими носителями речи и используется ими, как правило, по привычке.

Как мы уже отмечали, с точки зрения анимистического мышления, имя считалось неотъемлемой частью человека, как и любая часть его тела. Со смертью человека оно должно было уйти вместе с ним. Поскольку душа человека приравнивалась к его имени, имя покойника или умирающего старались не упоминать, опасаясь вызвать покойника обратно.

Так, в Западной Сербии умирающего не смели называть по имени, чтобы душа его не «раздвоилась» при выходе из тела. Не произносили имя покойника и в поминальных ритуалах, а также в период соблюдения траура.

В Верхнем Полесье имя покойника заменяли на *он (она), несчастный, бедняга, мертвец* или же просто *покойник (покойница)*. Если же в каком-нибудь доме был ребенок, носивший то же имя, что и умерший, то некоторое время этого ребенка называли каким-либо прозвищем, чтобы произнесением имени покойника не навредить его ближайшим родственникам.

Имена умерших не только табуировались, но и обладали защитной магической силой. «По полесским представлениям, при встрече с волком надо назвать имя трех (или девяти) умерших родственников, и тогда волк не тронет. В случае пожара надо трижды обежать дом, выкрикивая имена двенадцати утопленников, тогда огонь не распространится, а пойдет столбом вверх» [3; 614–615].

Имена собственные имеют огромное значение в межкультурном общении. Знание имен собственных способствует более успешному межкультурному взаимодействию. Но очевиден и тот факт, что ни одна культура не может полноценно развиваться, не взаимодействуя с культурой других народов. В результате межкультурных взаимодействий происходят заимствования одной культурой элементов другой культуры, что сказывается в языке того или иного народа, в том числе и в именном составе.

Г.Б.Мадиева в статье «Имя собственное в контексте межкультурной коммуникации» рассматривает имя собственное как концепт, который представляет собой «совокупность собственных имен и все представления, стоящие за ними» [12]. По ее мнению, данная категория имеет универсальный характер, т.е. обладает всеобщим значением для всех народов. Но при этом важно учитывать, что каждый народ имеет свою специфическую систему именования, обусловленную национальной культурой.

«Имя рождалось как словесное отражение обычаев, нравов, религиозных ритуалов и их предметных атрибутов. Имя не только имеет функцию обозначения индивидов для удовлетворения практической необходимости общения в пределах определенных социумов, но и сложным образом отражает, фиксирует состояние их культуры» [13].

Как видим, постигая менталитет какого-либо народа, следует обратиться к именам собственным, так как имена собственные позволяют выявить особенности культурных традиций данного народа: «Личные имена людей — знаки и символы, которые могут быть расшифрованы и описаны.

Семантическое пространство личного имени, являясь значимым элементом в системе языка и культуры, способствует выявлению ментальных, национально-культурных особенностей этноса. Раскрыть содержание антропонима можно, опираясь на общезыковые и культурно-психологические коннотации антропонимов в сознании (менталитете) народа (фоновые знания, вертикальный контекст, культурные традиции). Семантика антропонимов является потенциально важной областью исследования как с лингвистической точки зрения, так и с точки зрения межкультурной коммуникации» [14].

Имена собственные обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их значения прямо произвольны от истории и культуры народа — носителя языка. В именах отражаются генетические, исторические и культурные особенности формирования этноса, его художественное наследие. Знание имен, фамилий позволяет расширить наши представления о прошлом, осознать неразрывную связь между языком и народом.

Таким образом, имена собственные, отразившие традиционные представления, верования, знания народа об окружающем мире, его богатый жизненный опыт, являются ярким показателем истории национальной и общечеловеческой культуры.

Список литературы

- 1 *Еремичева В.И.* Ритуал и фольклор. — Л.: Наука, 1991. — 280 с.
- 2 *Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья.* — М.: Индрик, 1995. — С. 65.
- 3 *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Имя в контексте народной культуры // *Язык о языке.* — М.: Наука, 2000. — 703 с.
- 4 *Флоренский П.А.* Имена. — М.: Купина, 1993. — С. 16.
- 5 *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений: В 5 т. — Т. 1. — Алма-Ата: Глав. ред. казах. сов. энцикл., 1984. — С. 209.
- 6 *Джанузаков Т.* Очерки казахской ономастики. — Алма-Ата: Наука, 1982. — С. 10–26.

- 7 *Танабаева А.М., Оразгалиева Ф.Ш.* Лексика и фразеология как источник этнокультурной информации. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. — С. 91.
- 8 *Славянский вестник.* — М.: МАКС Пресс, 2004. — 189 с.
- 9 *Словарь языческой мифологии славян* // [http. www. yandex. ru](http://www.yandex.ru).
- 10 *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. — М.: Индрик, 2001. — С. 204.
- 11 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-т. — Т. 3. — М.: Прогресс, 1987. — С. 54.
- 12 *Мадиева Г.Б.* Имя собственное в контексте межкультурной коммуникации // *Вестн. КазНУ.* — 2001. — № 16 (50). — С. 88.
- 13 *Грошев В.Д.* Календарь российского земледельца (народные обычаи и приметы). — М.: Просвещение, 1991. — С. 8.
- 14 *Алещина Л.Н.* Отражение ментальных особенностей в национальных антропонимических системах // *Вестн. ЦМО МГУ.* — 2009. — № 1. Лингвокультурология. — С. 62.

С.Ж.Бралина, М.С.Девянина

Есім дәстүр мәдениетінің феномені ретінде

Мақалада жалқы есімдер және олармен байланысты ат қою әдет-ғұрыптары қарастырылды. Аталмыш мәселенің өзектілігі жалқы есімдердің зерделену жағдайы тек тіл жүйесін терең түсінуге ғана емес, сонымен қатар халық мифологиясымен, тұрмыс-тіршілігімен, дүниетанымымен және жалпы өмір құндылықтарымен жақынырақ танысуға мүмкіндік береді. Осыған байланысты көптеген халықтардың магиялық сипаттағы ат қою әдет-ғұрыптарынан барып шығатын жалқы есімдердің мәдени-тарихи негізі ерекше маңызға ие болады. Әр түрлі халықтардың мәдениетінде жалқы есім құпия сипатта көрінеді. Авторлар адам есімімен оның өмірі, тағдыры және мінезі-құлқы байланыстырылған деген қорытынды жасады.

S.Zh.Bralina, M.S.Devianina

Name as phenomenon of traditional culture

In the article proper names and rituals connected with them are examined by us. The urgency of this problem is that the study of the names allows not only to penetrate more deeply into language system, but allows to become acquainted more closely with mythology, with mode of life, with world out-look and with system of life value of people. In this regard the cultural and historical basis of proper names acquires particular meaning which ascends to the ancient ritual of names of many people, which have magical character. In cultures of different people name was allocated sacrality. It was valuable talisman, therefore the life of man, his destiny and character were connected with the name.